

Крикъ ужаса вырвался у Игната, когда онъ увидаль себя окруженнымъ поляками. Отъ одного этого ужаса онъ упалъ на землю, но за то Нимко не потерялся.

Въ его могучей рукѣ опять заработалъ огромный бердышъ. Онъ рубился какъ левъ. Вотъ его бердышъ опустился на голову одного ляха,—и головы не стало. У другого плечо вмѣстѣ съ рукою было отрублено; третій былъ почти разрубленъ пополамъ.

Сторожевой отрядъ ляховъ дрогнулъ, и эти двадцать человѣкъ были бы всѣ перерублены могучею рукою Нимко, если бы къ нимъ не подоспѣлъ большой отрядъ польскихъ улановъ.

Но и передъ этимъ и не струсилъ, и не потерялся Нимко. По-прежнему высоко поднимался его бердышъ и тяжело опускался на головы ляховъ и тушинцевъ.

Кажется, не было той силы, которая могла бы остановить этого героя и богатыря: онъ, видимо, искалъ смерти, и не хотѣлъ живымъ сдаться врагамъ.

Одинъ съ своимъ бердышемъ противостоялъ десяткамъ хорошо вооруженныхъ поляковъ. Но сила взяла свое. Прострѣленный въ нѣсколькихъ мѣстахъ, изрубленный ляхами, этотъ колосъ тяжело повалился.

И вотъ онъ лежитъ бездыханнымъ навзничь; кровь широкими ручьями течетъ изъ его многочисленныхъ ранъ. Лежитъ онъ, широко раскинувшись на многихъ трупахъ убитыхъ имъ враговъ, и могучая его рука не выпускала еще огромный бердышъ съ зазубреннымъ лезвеемъ. Она такъ и закостенѣла.

Нимко сторицею отплатилъ ляхамъ и тушинцамъ за смерть своего исхирення друга Ананія Селевина. Онъ геройской смертью умеръ, но не сдался.

Поляки отъ дикой злой бросились на трупъ героя Нимко, стали его рубить, и скоро трупъ былъ превращенъ въ какую-то безформенную, кровавую массу.

1900

Старикъ Игнать какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ въ этой бойнѣ.

Онъ, какъ уже сказали, отъ страха упалъ на землю. Поляки его не замѣтили и обратили все свое вниманіе на Нимко, ринувшись на послѣдняго.

А между тѣмъ, старикъ Игнать, понуждаемый чувствомъ самосохраненія, отползъ въ кусты.

Тамъ и оставался никѣмъ незамѣченнымъ.

Утоливъ свою дикую злобу надъ трупомъ Нимко, поляки отрубили ему голову и съ этимъ побѣднымъ трофеемъ вернулись въ свой станъ.

И когда опять настала тишина, старикъ Игнать оставилъ свое убѣжище и подошелъ къ трупу Нимко.

Онъ опустился на колѣни и стала молиться. Истово перекрестилъ трупъ и тихо побрелъ къ монастырю.

Также осторожно, никѣмъ незамѣченный, подошелъ къ оградѣ. Сторожевые замѣтили его прибытие и впустили его въ монастырь.

Старикъ Игнать дрожащимъ голосомъ рассказалъ дружинѣ о геройской смерти Нимко.

Изъ нихъ нашлось нѣсколько смѣльчаковъ, которые рѣшились, несмотря на всю опасность, принести тѣло Нимко для „честнаго“ погребенія.

Это имъ удалось.

Поляки такъ были заняты и обрадованы своею побѣдою надъ Нимко, что не видали или не замѣтили, какъ четверо смѣльчаковъ несли окровавленное и обезглавленное тѣло Нимко въ обитель.

Нимко удостоенъ былъ честнаго христіанскаго погребенія; хоть никто не зналъ, откуда родомъ этотъ богатырь-воинъ, какой онъ вѣры.

Схоронили его съ честю въ стѣнахъ обители и долго-долго вспоминали этого героя, этого Божьяго воина, добрымъ словомъ.

Дм. Москвинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. Г. Волковъ — основатель русскаго театра.

Въ Ярославль только что происходили торжества въ честь Волкова, основателя русскаго театра, въ которыхъ приняли участіе артисты петербургскихъ и московскихъ императорскихъ театровъ. Эти торжества были устроены по поводу исполняющагося 150-лѣтія со времени открытия Волковымъ въ Ярославль первого русскаго театра. Вырочемъ, Волковская торжества явились нѣсколько преждевременно, такимъ юбилейнымъ днемъ должно быть 29 июня с. г.

Все-таки давнишнее желаніе всѣхъ, кому дорого русское сценическое искусство, исполнилось: память высокодаровитаго пionera русскаго театра, работавшаго на пользу его съ не-преклонной энергіей и горячей, безкорыстной любовью, положившаго ему прочное и устойчивое основаніе, бывшаго одновременно въ своемъ театрѣ и въ своей труппѣ первымъ

актеромъ и машинистомъ, драматургомъ и архитекторомъ, режиссеромъ и композиторомъ, почтена достойнымъ образомъ.

Въ виду состоявшихся торжествъ и предстоящаго юбилея русскаго театра, нeliшнимъ будетъ краткое напоминаніе главнѣйшихъ фактovъ изъ жизни и дѣятельности «великаго мужа» Федора Григорьевича Волкова.

Сынъ костромского купца, Федоръ Григорьевичъ Волковъ родился 9 февраля 1729 г., въ гор. Костромѣ. Рано потерявъ отца, малолѣтній Волковъ остался вмѣстѣ съ братьями на попеченіи матери, которая вскорѣ вышла замужъ за ярославскаго купца Полушкина и переселилась въ Ярославль. Здѣсь у Полушкина были купоросные заводы, которыми сталъ управлять Федоръ Волковъ, какъ старѣйший изъ пяти пасынковъ своего отчима.